

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/173-189

Научная статья

© Н. Е. Мазалова

ЦЕРКОВЬ НА КРАЮ РОССИИ: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИТУАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА

Статья посвящена этнографическим аспектам проблем строительства современной православной церкви, деяниям и личности ее заказчика и создателя. Новизна исследования заключается в том, что впервые с позиций историко-антропологического метода православный храм рассматривается как социальный и культурный объект, а действия ее создателя — как ответ на социальные и культурные требования и запросы современной эпохи. Изучено значение Церкви Покрова Св. Богородицы в пос. Кондратьево Выборгского района Ленинградской области как символа этнокультурной локальной идентичности. Возведение обетной православной церкви — уникальное явление в современном строительстве. Нарративы о строительстве Покровской церкви, в том числе, мотивы о чудесах, сформированные в деревенском церковном приходе, со временем становятся культурным текстом всей общерусской традиции. Проанализированы особенности личности заказчика и создателя Покровской церкви, его религиозности. Личность создателя церкви исследуется в рамках проблемы «личность и история», «личность и индивидуальность в культуре». Сделан вывод о том, что процесс возведения Покровского храма сравним с духовным совершенствованием его создателя; его нравственный рост сопоставим со строительством церкви, а само ее строительство воспринимается как некий духовный процесс. Покровская церковь — церковь на краю России — в наши дни выполняет не только канонические функции, но охранительные, защитные, определяемые ее местонахождением на границе. Ее значимость как символа этнокультурной идентичности в новых исторических условиях возрастает.

Ключевые слова: православная церковь, строительство храма, заказчик, личность в истории, личность и индивидуальность в культуре, церковь по ¹обету, мифология, мотивы о чудесах, идентичность

Ссылка при цитировании: Мазалова Н. Е. Церковь на краю России: Историко-этнографические аспекты ситуации строительства // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 173–189.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/173-189

Original Article

© Natalia Mazalova

THE CHURCH AT THE END OF RUSSIA: HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC CONTEXT OF BUILDING

The article is devoted to the ethnographic aspects of building a modern Orthodox church, the deeds and personality of its investor and constructor. This is the first time an Orthodox church is considered as a social and cultural object from the perspective of historical and anthropological methods, and the actions of its creator — as a response to the social and cultural requirements and demands of the modern era. The author considers the significance of the Church of the Intercession of the Holy Virgin in Kondratyevvo as a symbol of ethnic and cultural local identity. The construction of a votive Orthodox church is a unique phenomenon in modern construction. Narratives about the construction of the Church of the Intercession, including motifs about miracles, which formed among the village church parish, eventually become a cultural text for the entire pan-Russian tradition. The personality and religiosity of the investor and the creator of the Church of the Intercession are considered. His personality is studied within the problem of “personality and history”, “personality and individuality in culture”. The author compares the process of building the Church to the spiritual perfection of its creator; his moral growth — to the construction of the church, and its construction itself is described as a spiritual process. The Church of the Intercession — a church at the end of Russia nowadays fulfills protective and defensive functions as well as canonical ones due to its location at the state border. Its significance as a symbol of ethnic and cultural identity in the changing historical context is increasing.

Keywords: *Orthodox Church, temple construction, customer, personality in history, personality and individuality in culture, votive church, mythology, motifs about miracles, identity*

Author Info: Mazalova, Nataliya E. — Doctor of History, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mazalova.nataliya@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7586-4506>

For citation: Mazalova, N. E. 2024. The Church at the End of Russia: Historical and Ethnographic Context of Building. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 173–189.

Введение

Церковь Покрова Святой Богородицы в пос. Кондратьево Выборгского района Ленинградской области находится неподалеку от границы России и Финляндии рядом с международной трассой Е-18. Расположенная на возвышенном месте, она не оставляет себя незамеченной ни одному путешественнику, проезжающему мимо. Настоятель Выборгского Спасо-Преображенского собора, благочинный Выборг-

ского округа, архиепископ Новгородский и Старорусский Лев при освещении Покровской церкви 26 октября 2000 г. назвал ее «визитной карточкой России». Само местоположение православной Покровской церкви с момента освящения позволило ей стать маркером этнокультурной идентичности местных жителей.

Рис. 1. Церковь Покрова Божией матери в пос. Кондратьево Выборгского района Ленинградской области. Фото автора

С конца XX в. православная церковь в России переживает период возрождения и возобновляет многие виды деятельности — духовную, просветительскую и др. В конце XX — начале XXI вв. после более чем семидесятилетнего перерыва в России строилось много церквей, что стало заметным явлением русской духовной культуры этого времени (Беломоева, Климкина 2018).

Проблемами изучения процессов строительства современных православных храмов, как правило, занимаются искусствоведы (Игумен Александр 2007; Украинцева 2021). Однако, здание храма нельзя рассматривать только как произведение искусства, оно является социальным и культурным объектом. Изучение социальной и антропологической составляющих процесса строительства храма предоставляет историческое знание и историческую память о социуме, повседневности, людях определенной эпохи. Личность создателя церкви рассматривается в рамках проблем «личность в истории», «личность и индивидуальность в культуре» (Гуревич 1990). Строительство церкви вызвано потребностью и мотивами его создателей, которые сформированы конкретной исторической эпохой. К примеру, проблемой строительства средневековых французских храмов и их заказчиков в историко-культурном аспекте занималась И. Г. Галкова (Галкова 2015). Вместе с тем, отсутствуют этнологические исследования русского материала на эту тему.

Нарративы о местночтимых святынях, к которым, наряду с иконами, святыми, относятся также церкви и их создание, составляют пласт культурного и духовного

наследия России (*Антонова* 2015: 89). Первоначально рассказы о них распространяются в прицерковной среде отдельного прихода, но со временем становятся культурным текстом всей российской традиции. К таким текстам, несомненно, относятся рассказы о Покровской церкви и ее создателе.

В статье предпринимается попытка прояснить ситуацию строительства Покровской церкви, описать ее облик, вопросы о действиях и характере заказчика и создателя, который инициировал само строительство церкви, рассмотреть, насколько его деятельность отвечает социальным и культурным запросам эпохи. Представляется важным проследить не только его роль и участие в строительстве церкви, но и различные особенности личности — поведение, религиозные, нравственные установки, отношение к церковной общине и т. д., его специфические черты, характеризующие представителя определенного слоя общества. Также рассматривается роль Покровской церкви как маркера этнокультурной идентичности.

Методы

Покровская церковь, построенная, по сути, по воле одного человека, силами местного населения, несомненно, относится к явлениям «народного христианства», изучение которого занимает важное место в исследованиях духовной культуры русского народа. В прошлом язычество и христианство рассматривались в рамках концепции двоеверия как две отдельные религиозные системы (*Петрухин* 2000: 323). В настоящее время сформировалась тенденция изучать различные формы соединения в народной религиозности языческих и христианских компонентов (*Толстой* 1996; *Бернштам* 2000).

Для исследования проблемы инициирования проекта и процессов строительства церкви как комплексного культурно-исторического явления использовался историко-антропологический принцип. Для исследования мифологических мотивов в нарративах о строительстве церкви и жизни ее основателя применялся структурно-семантический метод. При исследовании вопросов идентичности использовались методики, направленные на изучение степени включенности объекта как в свою этническую культуру, так и в локальную культуру.

В основу статьи легли полевые материалы автора, собранные в 2020–2023 гг. методом опросов, интервью, биографического метода и включенного наблюдения (ПМА).

Результаты и обсуждение

История строительства церкви Покрова в пос. Кондратьево

Покровская церковь была построена в 1999–2000 гг. на территории поселка Кондратьево Выборгского района Ленинградской области. До 1944 г., это была территория Финляндии — волость и церковный приход Сяккярви, первые упоминания о которых встречаются в исторических документах с 1396 г., когда эта территория принадлежала Швеции. С начала XIX в. она перешла к княжеству Финляндскому и являлась территорией России. Экономическим, духовным и культурным центром волости было крупное финское поселение Сяккярви. Первая кирха в Сяккярви была построена в 1572 г. На ее месте в 1833 г. возведена уникальная кирха в стиле неоклассицизма архитектором К. Л. Энгелем, которому также принадлежат проект кафедрального Никола-

евского собора Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии, православной церкви Святой Троицы и др. Кирха в Сяккярви была внушительных размеров — 30 м в длину и 40 м в ширину, она вмещала 4000 человек (Никитин 2018).

Во время Зимней войны в 1940 г. в результате советских бомбардировок кирха оказалась частично разрушена, а затем 1970-х гг. ее руины были взорваны. На ее месте в 1990-е гг. финны установили памятный знак.

С 1944 г. на бывшей территории Сяккярви (ныне пос. Кондратьево, Великое, Балтиец, Большой Бор и др.) живут русские переселенцы из Вологодской, Рязанской и других областей, старожильческого населения здесь нет. После разрушения кирхи в местном сообществе возникла идея о строительстве православной церкви, однако осуществилась она значительно позже.

Для настоящей работы, наряду с отечественными исследованиями проблем идентичности (Тишков, Пивнева 2018) представляют интерес исследования пограничья — Border Studies, в рамках которых особое место занимают работы финских исследователей А. Пааси, М. Лахтенмяки, в том числе о разрабатываемой ими модели формирования региональной идентичности, о роли границы в ее сложении, влиянии границы на ментальные процессы (Paasi 1996; Lahteenmaki 2012). А. Пааси выдвинул гипотезу о том, что значение границы для жизни людей нельзя понять без анализа ее роли в общественном сознании, самоидентификации человека с территориями. Обобщая выводы отечественных и зарубежных исследователей и основываясь на сходстве их результатов, представляется, что одной из важнейших составляющих идентичности населения Выборгского района является идея их сопричастности своей приграничной территории.

Большинство местных жителей разделяет мнение о том, что они живут на землях, которые в прошлом были русскими и лишь на короткий временной промежуток принадлежали Финляндии, а шведская история ими игнорируется. Эта точка зрения разделялась историками в советское время, в наши дни доказана ее несостоятельность. В послевоенный период акцент делался на том, что Выборг и Выборгский район находится на исконно новгородских землях. Многие местные жители среднего и старшего возраста до сих пор считают, что Выборг и Выборгский район — «это наши исконные новгородские земли, а финны — это те же русские. Они же столько лет были в составе России». Следует признать, что за 80 лет проживания на приграничной территории у выборжан и жителей Выборгского района сложилась особая локальная общность, которая обладает собственной локальной идентичностью, проявляющейся прежде всего, в понимании себя как человека, принадлежащего в первую очередь не к определенному этносу — русскому (общенациональная идентичность), а к определенной территории (Мазалова 2018).

Вероятно, следует говорить о некоем «эффекте замещения» в исторической памяти жителей г. Выборга и Выборгского района: у второго, третьего поколений переселенцев очень мало воспоминаний о локальной истории мест, откуда приехали их родители или бабушки и дедушки. Зачастую представители этих и последующих поколений перестают контактировать с родственниками, живущими на «малой» родине, утрачивается интерес к семейным реликвиям, к истории семьи. Жителей прежде всего занимает вопрос о принадлежности территории, на которой они проживают.

Следует отметить, что существуют и некоторые различия в локальной идентичности жителей г. Выборга и жителей Выборгского района. В отличие от выборжан,

основой формирования «исторической памяти» которых стало прошлое этих территорий — в большей степени предвоенное, финское, а также шведское, их локальная идентичность в значительной мере сформировалась под влиянием пространства бывшего финского города. Для сельского населения Выборгского района в меньшей мере характерен интерес к прошлому территории, особенно — шведской истории. Если выборжане проживание в своем городе до недавнего времени рассматривали как некую сопричастность Финляндии, то многие жители пос. Кондратьево, живя в 12 км от этой страны, ни разу ее не посещали.

Таким образом, для локального сообщества сельских жителей Выборгского района и выборжан важным становится не только этнос, к которому они принадлежат, но и территория, занимающая исключительное место в истории России, доминантными свойствами которой являются пограничное положение и сложная история, включающая шведский, финский и русский периоды (Рябова 2015: 113).

Основные признаки пространственной интерпретации жителей Выборгского района — это пограничность, периферийность и близость к Финляндии (Окунев 2014: 52–53). Для них эти признаки определили возможность формирования своей собственной локальной идентичности, дополняющей общенациональную идентичность. Основой локальной идентичности жителей Кондратьевской волости Выборгского района является сознание того, что они живут на исконных, по справедливости

Рис. 2. Николай Александрович Яковлев

возвращенных территориях (некий статус-кво). Сразу после разрушения кирхи в сообществе поселка Кондратьево возникла идея необходимости строительства православной церкви вместо разрушенной кирхи, которая воспринималась как символ иной этнической культуры и конфессии. Строительство церкви подтверждало и легитимизировало права жителей пос. Кондратьево на территорию, на которой они проживают.

Однако строительство церкви началось значительно позже — в конце 90-х гг. XX в. Инициатором

строительства Покровской церкви по праву можно считать Николая Александровича Яковлева — местного предпринимателя.

Н. Я. Яковлев не сразу выбрал место для храма. Протоиерей Лев Церпицкий посоветовал строить его в центре Кондратьево, неподалеку от места, где была расположена взорванная финская кирха и кладбище. Однако Н. А. Яковлев не согласился с выбором этого места. Его поступок соответствует сложившимся в русской традиции представлениям: локусы, на которых ранее располагались церкви, которые затем были разрушены, в народной традиции приобретают отрицательную семантику, сопоставимую с семантикой пожарищ, кладбищ, перекрестков дорог и др.

Н. Я. Яковлев решил, что лучше построить церковь в другой части поселка — на его окраине, на возвышении, неподалеку от международной трассы: «Как я рассуждал: «Сейчас время такое, не все пришли к Богу. А по дороге поедут, увидят церковь, храм, и пусть не скажут, но в сердце подумают о Боге. Второе — нужно подалее от деревни, я сам буду строить, никто ко мне ходить не будет, сколько смогу, столько буду строить» (ПМА 2020). Следует отметить, что строительство церкви на возвышенном месте — архаическая традиция. Гора в мифопоэтической картине мира — модель вселенной, вертикаль, продолжение мировой оси, находящейся в центре мира. Расположение церкви на горе осмысливается в народном сознании как приближение к Богу. Так, Иерусалимский храм был построен на Храмовой горе. На Руси на горе часто строились Успенские и Покровские Храмы.

Место для будущего храма было выбрано у дороги, ведущей в иностранное государство, недалеко от русско-финской границы. По мифологическим представлениям, граница проходит по краю «своего» и «чужого» пространства. Понятие «граница» находится в контексте существенных для народного сознания категорий, означая и пространственное размежевание, и пространственную близость, и приграничное пространство (Виноградова 2004; Большакова 2014: 213).

Церковь решено было строить в честь праздника Покрова Божией Матери. Праздник Покрова связан с чудом — явлением Святой Богородицы во Влахернском храме в Константинополе, укрывшей свои омофором молящихся христиан и спасших их от язычников. По христианской мифологии после этого события Богородица считается покровительницей русского воинства. По мнению Д. А. Лихачева, «все это позволяет понять особое «военное», «защитное» значение Покрова, Успения и самого Влахернского монастыря для Руси» (Лихачев 1985: 19).

Н. А. Яковлев является заказчиком и организатором строительства Покровской церкви. Именно он осуществлял организацию финансирования, строительных работ, контроль и руководство их исполнением.

Строительство церкви Покрова Божией Матери было трудным процессом: не хватало средств, рабочих рук. Николай Александрович обратился за помощью к мэру Выборга, который выделил ему лес. Лес вырубали финны, а деньги переводили на счет Яковлева.

Н. А. Яковлев является также создателем, автором, строителем Покровской церкви. Авторство его проявляется в идейном замысле храма, который сопровождался действиями по его созданию. У Николая Александровича было намерение — строить церковь собственными руками. Он действительно выполнял многие строительные работы; так, в молодости приобретя специальность кровельщика, он сам покрывал крышу церкви. Все этим действиям присуще созидательное значение — свершения, возведения.

Однако замысел Яковлева — возводить церковь самостоятельно — не осуществился, к строительству подключились многие люди: «Когда начал строить, думал, один буду. Как саранча набежали. Кто краску везет, кто гвозди. Местные помогали — кто транспорт даст, кто асфальтную крошку. У нас ничего не было, ни копейки — за два года построили» (ПМА 2022). В строительстве церкви принимали участие несколько опытных местных плотников — А. Малиновский, А. Ионов. А. Ионов учился ремеслу у отца и дяди — вологодских плотников, которые славились своим мастерством. Проекта церкви не было. Н. А. Яковлев взял за образец храм св. Николая Чудотворца в Роцино (Ленинградская обл.). Однако плотники отступили от заданных форм и внесли в замысел народное начало. Несмотря на то, что церковь построена из современных материалов, авторам удалось создать традиционный изысканный храм, устремленный к небу, напоминающий севернорусские церкви.

Н. А. Яковлеву также удалось привлечь к строительству и иностранных соседей — представителей финской лютеранской церкви. Среди них был секретарь пастор Тимо Росквист, руководитель канцелярии Архиепископа Евангелически-лютеранской церкви Финляндии. Он привозил краску и другие стройматериалы, помогал советами.

В архитектуре Покровской церкви отразились основы архитектуры православного храма, к которым относятся: традиционность, проявляющаяся в символике архитектурных форм, функциональность (организация места собрания членов церкви для молитвы, совершения различных церковных таинств) и др. (Кеслер 2003). В ней соблюдены основные канонические правила православной церкви: «ориентация храма по оси восток-запад алтарем на восток; приподнятость здания храма над поверхностью земли, а алтаря с солеей — над поверхностью храма; венчание храма крестом; отделение алтаря от части храма, где стоят молящиеся» (Соловьев, Соловьев 2017: 231). (См. Рис. 1).

Большая часть икон написана талантливым Выборгским художником А. Кирютой. В Покровской церкви есть редкая для православных храмов деталь интерьера — витражи в окнах алтаря, выполненные В. Площенко.

Уникальность создания Покровской церкви в пос. Кондратьево заключается в том, что она построена по обету, данному Н. А. Яковлевым в благодарность за дарованные Богом жизнь и здоровье дочери и сына, которые перенесли тяжелые болезни, как семейный храм: «Я строил чтобы отблагодарить Господа за то, что дал дочери и сыну жизнь и здоровье» (ПМА 2020). Обетные церкви в средние века строились в ознаменование мира, избавления от вражеского нашествия (Баталов 2013). В современной практике строительства храмов не удалось обнаружить примеров строительства церквей по обету.

Мотивы чуда в рассказах о строительстве Покровской церкви

С выбором места для церкви и ее строительством связано несколько сюжетов о чудесах, которые являются типичными для русской письменной и устной традиций.

Казалось бы, разрушение «чужой» святыни должно было восприниматься как благо. Однако в мифологическом сознании сработали схемы, характерные для традиционного фольклора, в соответствии с которыми разрушение любого храма греховно. После взрыва руин кирхи в среде жителей пос. Кондратьево возникло несколько мифологических сюжетов, связанных с этим событием. Один из них, что

кирха «сопротивляется» уничтожению и разрушается только после третьего взрыва. Другие сюжеты о разрушении храма напоминают широко распространенные в русской традиции нарративы: разрушителя церкви ожидает страшное наказание — болезнь и мучительная смерть. Командир воинской части, по приказу которого она была взорвана, в конце жизни пережил инсульт и утратил речь, прожив в таком состоянии семь лет, его помощник утонул. Кроме того, в пос. Кондратьево неожиданно начали происходить различные трагические события. По представлениям местных жителей, именно разрушение кирхи повлекло массовые гибели молодых людей: «Мор напал на Кондратьево, стали больше гибнуть в Афганистане, трое погибли в аварии, несколько человек утонуло» (ПМА 2023).

Фольклорный сюжет о наказании за непочитание и осквернение святыни широко распространен в современной русской устной прозе (Добровольская 1999; Дранникова 2020). Разрушение храма, по традиционным русским представлениям, — один из самых страшных грехов. Уникальность нарративов, записанных от жителей пос. Кондратьево, заключается в том, что возмездие следует не за разрушение православного храма, а лютеранского — христианской святыни другого этноса, что характеризует некоторую особенность формирования локальной идентичности.

В местном сообществе после описанных трагических событий старые женщины — носители традиционного сознания решили, что прекратить гибель людей может только строительство православной церкви: «И люди собирали много голосов, чтобы церковь построить, чтобы оградить от смертей» (ПМА 2022).

С выбором места строительства церкви также связан сюжет о чуде. На этом месте произошла встреча Н. А. Яковлева и странника из Америки. По его словам, однажды его как будто что-то подталкивало посетить место, где предполагалось строительство церкви. Подъехав к нему, он увидел высокого, двухметрового человека с крестом, который на ломанном русском языке рассказал, что он странник, родом из Америки, путешествует пешком двадцать лет, ночует под открытым небом, посещал Папу Римского. Сейчас путешествует по России, затем собирается в Иерусалим. Следует отметить, что одна из форм самоидентификации странника — упоминание святых мест, где он побывал (Щепанская 2003).

Как позднее выяснилось, Яковлев столкнулся с необычным человеком: разглядывая сделанную им фотографию странника, он увидел столб света над головой странника (ПМА 2020). В русской иконописной традиции нимб — признак святого, он означает достижение святости. О принадлежности «нечеловеческому» миру свидетельствуют и другие признаки путешественника: необычно высокий рост, жизнь вне дома. Появление странствующего пророка в ситуации неопределенности неслучайно: он обладает некоей важной информацией: в данном случае — о том, где именно строить церковь. Н. А. Яковлев счел встречу чудесным предзнаменованием и начал строить церковь именно на том месте, где встретился со странником. Следует отметить, что избранное для строительства Покровской церкви место семиотически значимо. После разрушения кирхи в 1940 г. финские священники вели богослужения во временной кирхе, которая находилось в непосредственной близости от места строительства Покровской церкви, неподалеку также располагалась папула — дом священника.

Еще одно чудо связано со строительством церкви. Когда строительство церкви на время прекратилось, в вырытом котловане, наполненном водой, весной поселились утки: «У меня церковь перестала строиться, рабочие запили. Вырыли котлован. А тут

Рис. 3. Чудо с утками. Фото Н. А. Яковлева

дожди пошли, около месяца лило. Вижу: «Утки вокруг креста плавают друг за другом» (ПМА 2022). В сельском сообществе немедленно появилось объяснение: строительству мешают «чужие», финские духи, которые выступают в облике уток. Хотя интересно отметить, что в финно-угорской мифологии утка — благожелательный и очень значимый персонаж: она выступает в роли творца, создателя вселенной. В народной мифологии русских, наоборот, утка — воплощение дьявола, в

ее облике может показаться черт (Гура 1997: 668). Утка встречается в севернорусских легендах о сотворении мира, причем она выступает в роли противника Бога (Гура 1997: 667). В мифологическом сюжете, связанном с Покровской церковью, утка выступает как противник ее возведения.

С проблемой удалось справиться, воду откачали, а вместо предполагаемого подвала сделали трапезную. Как сказал главный строитель церкви Н. А. Яковлев: «Вот и утки накрякали». «Сначала горе, потом радость. Все у Бога прописано» (ПМА 2021).

Личность создателя и автора Покровской церкви

Н. А. Яковлев одновременно является и инициатором, и основателем, и заказчиком и — что очень важно — соавтором, строителем Покровской церкви. В церковной традиции есть термины *ктитор* (греч. основатель, строитель) и *донатор* (лат. даритель, вкладчик), которые определяют людей, жертвующих деньги на строительство церкви, создание иконы, фрески или на богослужебные книги. В определении «заказчик» выделяется только один аспект деятельности: намеренное волеизъявление в отношении строительства церкви (Галкова 2015). Однако деятельность Н. А. Яковлева значительно разнообразнее и включает многие аспекты деятельности, перечисленные в этих определениях.

Н. А. Яковлев — предприниматель, а профессия и образ жизни деловых людей способствовали выработке у них новых этических установок, иного типа поведения, нежели у советских людей. В постперестроечном социуме выработался особый социально-пси-

хологический тип российского предпринимателя. Предпринимателей — «новых русских» отличает энергия, предприимчивость, сметка, вместе с тем, им присущи и такие качества, как нестесненность нормами советского и постсоветского времени. Нередко они испытывают сильную любовь к собственному дому и семье. При этом следует отметить, что несмотря на важность предпринимательства, социальный престиж предпринимателей в обществе весьма невысок. У российских предпринимателей выработался особый тип религиозности, сходный с религиозностью средневековых купцов — «парадоксально объединяющей веру в Бога и страх перед загробными карами с коммерческим подходом к «добрым делам», за которые ожидаются пропорциональные возмещения награды, выражающиеся в материальном преуспевании» (Гуревич 1990: 129).

Личность создателя Покровской церкви Н. А. Яковлева — пример истинного христианина. Его путь к Богу был сложным и тернистым. Он родился в Костромской области в 1937 г. Его дед и отец занимались кузнечеством. В мифоритуальной традиции кузнец — это демиург, обладает знаниями, недоступными непосвященным, способный создавать новые предметы из металла. Следует отметить, что прадед Николая Александровича был священником.

Николай Александрович рос в многодетной семье. Его мать была неграмотным, но глубоко верующим человеком, она постоянно кормила родственников, нищих. Н. А. Яковлев рассказал, как однажды его семья чуть не осталась без муки, поскольку мать постоянно раздавала хлеб странникам: «Во время войны ходило много нищих с котомочками, хлеба просили. Мать пекла большие караваи, и всегда резала большие куски. А они уж сидят, ждут толпами. Она раздавала им» (ПМА 2021). Однажды зимой отец обнаружил, что в ларе закончилась мука, он стал гоняться за женой с поленом: «Весь хлеб раздала, сами сдохнем». И маленький Николай с братом, чтобы отвести гнев отца, в его отсутствие отбили серпы (это обычно искусно делал отец по заказу соседей-крестьян), и получили за работу много муки. Мать читала детям евангелие, прививала нормы христианской морали, рассказывала о церковных праздниках: «На паску говорит, разбудит нас с братом Славкой: «Смотри солнце над лесом прыгает, радуется» (ПМА 2021). Николай Александрович пронес любовь к матери через всю жизнь, считая, что это самое дорогое для него.

Н. А. Яковлев учился в техникуме, работал кровельщиком, затем закончил институт, работал в Радиовом институте имени В. Г. Хлопина, защитил кандидатскую диссертацию. У Николая Александровича была благополучная семья, двое детей. Он стал успешным ученым, администратором. Одним из его хобби было увлечение восточными практиками. Вместе с тем, когда наступил кризис среднего возраста, Н. А. Яковлев начал чувствовать неудовлетворенность жизнью, которую он ведет; кроме того, у него обнаружили серьезные проблемы со здоровьем: «Я болел, проблемы были с желудком, с кровью, лейкоцитоз, я ведь с радиацией работал. ... Но основная предпосылка — искание Бога, я искал то, что должно было показать мне смысл жизни, для чего я живу» (ПМА 2020).

В 1987 г. Николай Александрович принял неожиданное для семьи и окружающих решение — на сорок дней поселиться на острове и голодать. Причинами этого поступка являлись болезнь и поиски смысла жизни, Бога. Примечательно, что это деяние совпало с началом коренных изменений в Советском Союзе, началом его краха.

Следует отметить, что многие факты биографии Н. А. Яковлева имеют мифологический характер. Рассказ Николая Александровича о его пребывании на острове

напоминает описания обряда инициации: по его словам, в результате пребывания на острове человек испытывает состояние «временной смерти», после которого следует его рождение в ином статусе. Кроме того, рассказы Яковлева о пребывании на острове обнаруживают сходство с житиями святых.

Выбор Н. А. Яковлева пал на один из островов в Финском заливе, поскольку в 30 км отсюда был дом матери его жены, а он увлекался рыбалкой и не раз бывал здесь. Яковлев переправился на остров на резиновой лодке. Переправа на остров — в царство мертвых описана в обрядах инициации В. Я. Проппом в «Исторических корнях волшебной сказки» (Пропп 1986). В греческой мифологии Харон — перевозчик душ мертвых через реку Стикс в Аид. Подобные верования зафиксированы и у русских: в некоторых деревнях Архангельской области кладбища расположены на островах, и мертвых в гробах перевозили туда на лодках. Таким образом, А. Н. Яковлев перемещался из мира людей в мир природы, изоляция — лиминальная стадия в обрядах переходов. Мотив «пребывания на острове» известен как по этнографической литературе (обряд инициации), так и по художественной (Д. Дефо «Робинзон Крузо», У. Голдинг «Повелитель мух»). Многие святые жили в отшельничестве на островах, например, святой Савватий на Соловецких островах.

На острове Николай Александрович голодал (ср.: длительный пост держат неопиты во время прохождения обряда инициации, святые-отшельники), пил дождевую воду из расщелины в скале. Он постоянно молился: «Я вставал рано, молился разными молитвами, молитвами, мантрами, но Бога сначала я не видел» (ПМА 2021).

Н. А. Яковлев во время пребывания на острове терял некоторые человеческие признаки (хранил молчание, не ел, не стригся) и приобрел признаки природы: приобщился к миру животных, которые не боялись его: «Со мной жили на острове свободно — утки, чайки. Они не улетали, я через них переступал. Со мной жил заяц. Не знаю, откуда он на острове взялся. Видимо, зашел со льдом, и остался тут. Зайцы ведь трусливые, а он спал рядом со мной в палатке. Что-то во мне изменилось» (ПМА 2021). Мотив дружбы с животными встречается и житиях христианских святых, например, святая Февронья Муромская дружила с зайцем.

На тридцатый день пребывания на острове Яковлев испытал искушение — он услышал голос, который убеждал его нарушить голодовку. Когда Николай Александрович попытался это сделать, он чуть не утонул и чудом избежал смерти: «День, наверное, был тридцатый, я уже слаб был, почувствовал, что нужно раньше кончать, внутренний голос мне сказал: «А ты сделай рыбный рассольчик, попей его, не делай ничего другого». Я взял лодку, было 2 часа ночи 24 июня 1987 года. Голос сказал, что рядом с Лысым островом есть сети. Я приплыл, увидел сети, полные рыбы, крупной. Я хотел взять одну. Но в одно мгновение поднялся такой ураган, все потемнело, и меня начало относить в открытое море, а я на якорь лодку поставил, только успел веревку перерезать. Я понял, что пришла смерть. Не знаю, откуда силы взялись, я взял немножко под угол, смог добраться на остров с подветренной стороны, встал на колени, упал и потерял сознание, пришел в себя, когда волна по лицу била. Лодка была к руке привязана, и был отлив, она на берегу оказалась. Я дополз до костра, угольки, потом, головешки разгорелись» (ПМА 2021). Мотив искушения встречается во многих житиях святых, например, хорошо известны легенды об искушениях святого Антония.

На языковом уровне в нарративе выражено состояние временной смерти, борьбы со стихией и победы над ней. Свое состояние во время пребывания на острове,

особенно во время искушения и после него, рассказчик описывает как измененное: слабость, изнуренность, потеря сознания, ощущение страха, отчаяния.

После прохождения испытания Николай Александрович продолжил голодать до сорокового дня. Выход из голодовки был мучительным: «Меня тошнило, все отрыгало, вышел жуткий сгусток крови» (ПМА 2021). Кровь — важнейшая субстанция человеческого тела, в которой сконцентрирована значительная жизненная сила. Потеря крови в обрядах перехода означает утрату прежнего и переход в новое состояние: «Я избавился от кучи болезней, и я нашел смысл жизни, главное — духовное составляющая» (ПМА 2021).

Таким образом, пребывание на острове повлияло как на физическое состояние — Николай Александрович избавился от нескольких болезней, так и на духовное, однако он считает, что тогда не достиг основной цели: «Бога я не увидел».

Когда Николай Александрович собрался выходить на работу, его ожидало еще одно испытание: внезапно заболела дочь, только что закончившая университет, у нее проявилась эпилепсия, по словам Яковлева, «по народному, бес вселился». Лечение у врачей результатов не дало: «Осталась за одну соломинку схватиться — за Бога» (ПМА 2022).

Николаю Александровичу посоветовали обратиться к священнику Ильинской церкви Василию Борину в Эстонии, который успешно занимался экзорцизмом — отчитыванием бесноватых. Причину вселения бесов В. Борин увидел в том, что отец занимался восточными практиками: «Посмотрел и заплакал: «Ты в дочку беса загнал, теперь мне выгонять придется»» (ПМА 2020). В. Борин поселил Алису рядом со своей кельей и начал лечить ее молитвами, во время которых у девушки были припадки, пена, она сильно похудела. Яковлев жил в котельной церкви, а работал кровельщиком. Дочь постепенно выздоравливала, но появилась опасность, что она не вернется в мир, а останется в монастыре: «Я почувствовал, что дочь уходит, что она может уйти в монастырь. Ей отцом стал отец Василий, а я — второй» (ПМА 2021). Н. А. Яковлев забрал дочь и спешно покинул обитель.

После очередной изоляции и прохождения испытаний Яковлев приблизился к Богу. Наступил новый этап в его жизни, однако после возвращения в Петербург Николая Александровича ожидало новое испытание: серьезно заболел его сын. Новая стадия воцерковления и приближения к Богу позволила Яковлеву с помощью молитв и голодания в течение 56 дней) излечить сына. После этого Н. А. Яковлев дал обет — построить церковь, чтобы отблагодарить Бога за выздоровление детей. За благословением он обратился к отцу Льву и получил его: «Там от границы, от запада нету церковей. Строй церковь» (ПМА 2020).

После завершения строительства Покровской церкви Николай Александрович был избран старостой церкви и долгие годы исполнял эти обязанности. Он столкнулся с проблемой, характерной для России, — местное население медленно возвращается к вере (*Каарийнен, Фурман* 2000). При церкви сформировалась община, идеологами которой являются Н. А. Яковлев и священник Валерий.

Н. А. Яковлев старается приобщать к церкви молодежь, проводит беседы в школе, где высказывает свои убеждения в том, что нужно заботиться о душе ребенка, его нравственном воспитании: «Первая заповедь «Возлюби Бога». Нужно поститься и молиться. Пост и молитва. Когда Вы начинаете читать Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе помилуй меня, грешного». Когда человек сам молится, он

испытывает чувство экстаза, тогда он забывает, еврей он или русский. Вот тогда человек начинает любить Бога. Я через скорби — дочери и сына пришел к Богу. Когда человек в изобилии, ему Бог не нужен. В скорбях человек становится соработником Бога» (ПМА 2023).

Еще одно испытание Н. А. Яковлев прошел во время заболевания ковидом. У него было поражено 90% легких. В самый тяжелый момент болезни у него было видение: «Когда стало совсем плохо, мне привиделось, что я на небесах, вокруг чудесные цветы цветут, детство перед глазами прошло». Тут вдруг жена меня трясет: «Вставай быстро, я видела во сне бабушку (местную целительницу и прорицательницу. — *Н. М.*). Она сказала: «Быстро иди, возьми Колю за руку и скажи, все будет хорошо» (ПМА 2021). Н. А. Яковлев еще раз испытал временную смерть и возрождение, которое выразилось в большем приближении к Богу.

Во время болезни Н. А. Яковлева вся церковная община молилась за него. Он считает, что именно это помогло ему выжить: «Вы меня вымолили. Общая молитва — великая сила. Я накрою вас своей любовью» (ПМА 2021).

Заключение

Таким образом, строительство церкви Покрова Божией Матери — созидательный акт, в значительной мере совершенный одним человеком. По народным представлениям, создание церквей — дело избранных Богом, с помощью которых он строит храмы. Процесс возведения Покровского храма сравним с духовным совершенствованием его создателя. С одной стороны, нравственный рост ее автора сопоставим со строительством церкви, с другой стороны — само ее строительство воспринимается как некий духовный процесс (образование общины, воцерковление людей и др.). В Евангелии строительство дома сравнивается с усвоением учения Христа. Строительство церкви, задуманное как дар Богу в благодарность за выздоровление детей, как прощение грехов, обретение спасения в загробной жизни, стало подтверждением нравственного развития создателя. Вместе с тем, оно также отвечало чаяниям местного населения, это был своего рода ответ на социальный заказ — построить православную церковь на приграничной территории, которая в прошлом принадлежала другому государству.

Покровская церковь — церковь на краю России продолжает выполнять не только присущие каждому храму функции — совершение богослужений, молитвенного общения с Богом, но и иные, определенные ее местонахождением на границе. В современной ситуации, когда среди части финского общества возрождаются идеи возвращения территорий Карельского перешейка, на первый план выходят функции Покровских церквей — охранительные, защитные. Таким образом, в новых исторических условиях значительно возрастает значимость церкви Покрова Божьей матери как символа этнокультурной идентичности.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы авторы, собранные в пос. Кондратьево Выборгского района Ленинградской области, а также в г. Выборге в 2020–2023 гг.

Никитин 2018 — *Никитин В. В.* Карельский перешеек — земля неизведанная. Часть 11. Северо-западный сектор: Сяккярви [Кондратьево]. СПб.: 2018. 376 с.

Научная литература

- Антонова М. В. Сказания об основаниях монастырей в региональной устной и письменной традиции: система мотивов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6 (69). С. 89–91.
- Баталов А. Л. Обетное строительство в Москве «на рву» и в Пскове «на гребле»: закономерности сакральной топографии средневекового города // Искусствознание. 2013. № 1–2. С. 10–37.
- Беломоева О. Г., Климкина Т. В. Особенности развития отечественной культовой архитектуры на рубеже XX–XXI вв. (на примере России и Мордовии) // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10. № 2. С. 98–108. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.098-108>
- Берштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 394 с.
- Большакова Н. В. Граница как примета пространства в диалектном дискурсе // Вестник Псковского государственного университета. 2014. Вып. 5. С. 188–194.
- Виноградова Л. Н. Граница как особая пространственная категория в народной культуре // Культура и пространство. Славянский мир. М.: Наука, 2004. С. 29–28.
- Галкова И. Г. Церкви и всадники. Романские храмы Пуату и их заказчики. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 400 с.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 911 с.
- Гуревич А. Я. Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество / ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1990. С. 97–131.
- Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор: Материалы и исследования. / Отв. ред. А. Н. Розов. Т. 30. СПб.: Наука, 1999. С. 500–512.
- Дранникова Н. В. Культурная память жителей Архангельска о разрушении и осквернении культовых сооружений в советский период // Ученые записки Петрозаводского университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 100–109. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.522>
- Игумен Александр (А. Н. Федоров). Церковное искусство как пространственно-изобразительный комплекс. М.: Сатис, 2007. 230 с.
- Каарияйнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е гг. // Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании / Под ред. Киммо Каарияйнена и Дмитрия Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000. С. 7–48.
- Кеслер М. Ю. Православная храмовая архитектура. М.: Архитектурно-художественный центр Московской Патриархии АХЦ «Арххрам», 2003. Т. 3. 257 с.
- Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования / Отв. ред. Э. С. Смирнова. М.: Наука, 1985. С. 17–23.
- Мазалова Н. Е. Выборжане: историческая память и идентичность // Историческая память и российская идентичность. М.: Изд-во РАН, 2018. С. 397–407.
- Окунев И. Ю. Роль интерпретации пространства в формировании идентичности (на примере российско-европейского пограничья) // Критическая геополитика: Сб. ст. Вып. 1. / Отв. редакторы: И. Ю. Окунев, С. О. Савин. Ногинск: Аналитика РОДИС, 2014. С. 72–74.
- Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры / В. Я. Петрухин. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–413.
- Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 368 с.
- Рябова Л. К. К методологии исследования восприятия городского пространства (случай Выборга) // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 110–121.
- Соловьев А. К., Соловьев К. А. Современная культовая архитектура и актуальные проблемы церковного искусства // Архитектура и современные информационные технологии. 2017. № 1 (38). С. 225–242.

- Тишков В. А., Пивнева Е. А. (отв. ред.) Историческая память и российская идентичность. М.: Изд-во РАН, 2018. 508 с.
- Толстой Н. И. Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян: [С древнейших времен до XIII в. / В. В. Седов, А. Ф. Журавлев, Н. И. Толстой и др.; Редкол.: В. К. Волков и др.]. М.: Индрик, 1996. С. 145–160.
- Украинцева А. В. Современная православная церковная архитектура России: проблемы научных исследований // Урбанистика. 2021. № 2. С. 44–58. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2021.2.31821>
- Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 526 с.
- Lahteenmaki M. The Making of a Barrier between Two Worlds: Finnicization of Finnish-Russian Border in the 1910s-20s. // Eurasia Border Review. 2012. Vol. 3. № 1. P. 33–50. http://srch.slav.hokudai.ac.jp/publictn/eurasia_border_review/abr3/maria.pdf
- Paasi A. Territories, Boundaries, and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Boundary. New York: Wiley, 1996. 353 p.

References

- Antonova, M. V. 2015. Skazaniia ob osnovaniia monastyrei v regional'noi ustnoi i pis'mennoi traditsii: sistema motivov [Tales About the Founding of Monasteries in the Regional Oral and Written Tradition: The System of Motifs]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* 6 (69): 89–91.
- Batalov, A. L. 2013. Obetnoe stroitel'stvo v Moskve “na rvu” i v Pskove “na greble”: zakonmernosti sakral'noi topografii srednevekovogo goroda [Votive Construction in Moscow “on the Moat” and in Pskov “on the Row”: Patterns of Sacral Topography of the Medieval City]. *Iskusstvoznanie* 1–2: 10–37.
- Belomoeva, O. G. and T. V. Klimkina. 2018. Osobennosti razvitiia otechestvennoi kul'tovoi arkhitektury na rubezhe XX–XXI vv. (na primere Rossii i Mordovii) [Features of Development of Russian Religious Architecture at the Turn of the 21st Century (as for Russia and Mordovia)]. *Finno-ugorskii mir* 10(2): 98–108. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.098-108>
- Bershtam, T. A. 2000. *Molodost' v simbolizme perehodnykh obrjadov vostochnykh slavjan. Uchenie i opyt Cerkvi v narodnom hristianstve* [Youth in the Symbolism of Transitional Rites of the Eastern Slavs. Teachings and Experience of the Church in Folk Christianity]. Saint Petersburg: Petrburgskoe Vostokovedeniye. 394 p.
- Bolshakova, N. V. 2014. Granitsa kak primeta prostranstva v dialektnom diskurse [Border as an Omen of Space in Dialect Discourse]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta* 5: 188–194.
- Dobrovolskaia, V. E. 1999. Neskazochnaia proza o razrushenii tserkvei [The Fabulous Prose about the Destruction of Churches]. *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia* [Russian Folklore: Materials and Research], ed. by A. N. Rozov. Vol. 30. Saint Petersburg: Nauka. 500–512.
- Drannikova, N. V. 2020. Kul'turnaia pamiat' zhitelei Arkhangel'ska o razrushenii i oskvrnenii kul'tovykh sooruzhenii v sovetskii period [Cultural Memory of Arkhangel'sk Residents about the Destruction and Desecration of Religious Buildings in the Soviet Period]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo universiteta* 42(6): 100–109. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.522>
- Galkova, I. G. 2015. *Tserkvi i vsadniki. Romanskii khramy Puatu i ikh zakazchiki* [Churches and Horsemen. Romanesque Temples of Poitou and Their Customers]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p.
- Gura, A. V. 1997. *Simvolika zhyvotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [Animal Symbolism in Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik. 911 p.
- Gurevich, A. Ya. 1990. Srednevekovyi kupets [Medieval Merchant]. In *Odissei. Chelovek v istorii. Lichnost' i obshchestvo* [Odysseus. Man in History. Person and Society], ed. by A. Ya. Gurevich. Moscow: Nauka. 97–131.

- Igumen Aleksandr (A. N. Fedorov). 2007. *Tserkovnoe iskusstvo kak prostranstvenno-izobrazitel'nyi kompleks* [Church Art as a Spatial and Pictorial Complex]. Moscow: Satis". 230 p.
- Kaariainen, K. and D. Furman. 2000. Religioznost' v Rossii v 90-e gg. [Religiosity in Russia in the 90s]. In *Starye tserkvi, novye veruiushchie: religiia v massovom soznanii* [Old Churches, New Believers: Religion in the Mass Consciousness], ed. by Kaariainen, K. and D. Furman. Saint Petersburg; Moscow: Letnii sad. 7–48.
- Kesler, M. Yu. 2003. *Pravoslavnaia khramovaia arkhitektura* [Orthodox Temple Architecture]. Vol. 3. Moscow: Arkhitekturno-khudozhestvennyi tsentr Moskovskoi Patriarkhii "Arkhkhram". 257 p.
- Lahtenmaki, M. 2012. The Making of a Barrier between Two Worlds: Finnicization of Finnish-Russian Border in the 1910s–20s. *Eurasia Border Review* 3(1): 33–50. http://srch.slav.hokudai.ac.jp/publicitn/eurasia_border_review/ebr3/maria.pdf
- Likhachev, D. S. 1985. Gradozashchitnaia semantika Uspenskikh khramov na Rusi [Urban Semantics of the Uspensky Temples in Russia]. In *Uspenskii sobor Moskovskogo Kremliia. Materialy i issledovaniia* [Dormition Cathedral of the Moscow Kremlin. Materials and Research], ed. by E. S. Smirnova. Moscow: Nauka. 17–23.
- Mazalova, N. E. 2018. Vyborzhane: istoricheskaia pamiat' i identichnost' [Vyborg Residents: Historical Memory and Identity]. In *Istoricheskaia pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], ed. by V. A. Tishkov and E. A. Pivneva. Moscow: Izdatel'stvo RAN. 397–407.
- Okunev, I. Yu. 2014. Rol' interpretatsii prostranstva v formirovanii identichnosti (na primere rossiisko-evropeiskogo pogranich'ia) [The Role of Interpretation of Space in the Formation of Identity (On the Example of the Russian-European Borderland)]. In *Kriticheskaia geopolitika* [Critical Geopolitics], ed. by I. Yu. Okunev and S. O. Savin. Vol. 1. Noginsk: Analitica RODIS. 72–74.
- Paasi, A. 1996. *Territories, Boundaries, and Consciousness: The changing Geographies of the Finnish-Russian Boundary*. New York: Wiley. 353 p.
- Petrukhin, V. Ya. 2000. Drevnaia Rus'. Narod. Kniaz'ia. Religiia [Ancient Russia. People. Princes. Religion]. In *Iz istorii russkoj kul'tury* [From the History of Russian Culture], ed. by V. Ya. Petrukhin. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. 13–413.
- Propp, V. Ya. 1986. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Magic Fairy tale]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU. 364 p.
- Riabova, L. K. 2015. K metodologii issledovaniia vospriiatiia gorodskogo prostranstva (sluchai Vyborga) [Toward a Methodology of Research on the Perception of Urban Space (The Case of Vyborg)]. *Noveishaia istoriia Rossii* 1: 110–121.
- Shchepanskaia, T. B. 2003. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv.* [Culture of the Road in the Russian Mythoritual Tradition of the XIX–XX Centuries]. Moscow: Indrik. 526 p.
- Soloviev, A. K., and K. A. Soloviev. 2017. Sovremennaia kul'tovaia arkhitektura i aktual'nye problemy tserkovnogo iskusstva [Modern Architecture and Contemporary Problems of Religious Art]. *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii* 1(38): 225–242.
- Tishkov, V. A., and E. A. Pivneva (eds.). 2018. *Istoricheskaia pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian identity]. Moscow: Izdatel'stvo RAN. 508 p.
- Tolstoi, N. I. 1996. Yazychestvo drevnikh slavian [Paganism of the Ancient Slavs]. In *Ocherki istorii kul'tury slavian* [Essays on the History of Slavic Culture], ed. by V. K. Volkov et al. Moscow: Indrik. 145–160.
- Ukrainitseva, A. V. 2021. Sovremennaia pravoslavnaia tserkovnaia arkhitektura Rossii: problemy nauchnykh issledovaniia [Modern Orthodox Church Architecture of Russia: problems of scientific research]. *Urbanistika* 2: 44–58. <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2021.2.31821>
- Vinogradova, L. N. 2004. Granitsa kak osobaia prostranstvennaia kategoriia v narodnoi kul'ture [Border as a Special Spatial Category in Folk Culture]. In *Kul'tura i prostranstvo. Slavyanskii mir* [Culture and Space. Slavic World]. Moscow: Nauka. 29–28.